

Мария Заболотская

*Рыжая
племянница
лекаря
Книга 2*

УДК 82-312.9
ББК 84(2)
3-12

Мария Заболотская

3-12 Рыжая племянница лекаря. Книга 2 / Заболотская Мария. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 290 с. — (Рыжая племянница лекаря).

ISBN 978-5-521-90919-3

Ведьма знает, кто посмел бросить ей вызов. Она сильна, хитра и безжалостна. По следу своих врагов она пустит злых оборотней и всевидящих воронов — у нее много слуг, жадных до крови. Рыжей Фейн не спастись от гнева колдуньи. Но ее новый друг знает множество секретов и хитрых чародейских уловок. Вот только срок жизни по законам старой магии ему отведен короткий, ведь Хорвек — не человек и не демон, а нечто чуждое обоим мирам...

BIC FM
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90919-3

© Мария Заболотская
© Татьяна Папушева, обложка
© Т8 Издательские технологии, 2020

Крыс становилось все больше — они появлялись из каждой канавы, из груд отбросов и из щелей под заборами, чтобы присоединиться к своим дворцовым сородичам, которые бежали так быстро, точно позади них бушевал пожар.

Удивительное происшествие испугало многих горожан — я слышала, как визжали женщины, забиравшиеся на ступени домов, скамьи и каменные тумбы, отмечавшие перекрестки улиц. Однако попрошайки, чьи бездонные утробы не смогли наполнить даже огромные котлы у дома герцога Таммельнского, со смехом бросали камни в крыс, а затем ловко выуживали оглушенную добычу, запуская руки в самую гущу крысиного потока. Праздники, к которым прилагалась дармовое угощение, в Таммельне случались не так уж часто, и нищие прозорливо запасались едой впрок. Дворцовые крысы и впрямь были куда жирнее прочих, а таммельнская беднота, выбравшаяся нынче из самых грязных трущоб из-за запаха бесплатной похлебки, не отличалась разборчивостью.

Не так просто было испугать и уличных сорванцов, которые и сами были похожи на крысенушек — так ловко и быстро они протискивались в каждую щель, заслышав женские крики и брань. Эти бросали камни в крыс ради забавы, с хохотом следуя за испуганными зверьками. Иногда кто-то из них хватал крысу за хвост и швырял в своих же приятелей, а те в ответ толкали его так, чтобы тот упал туда, где крыс было больше всего: «Сейчас они обгрызут тебе нос и уши!» — кричали они, захлебываясь от восторга. Я решила держаться рядом с ними, чтобы не привлекать лишнего внимания. Мой невысокий рост и бедное платье позволяли сойти за свою в этой шумной разномастной компании — там были

и девчонки, такие же грязные, крикливые и оборванные, как мальчишки, и вряд ли кто-то с первого взгляда нашел бы пару отличий между нами.

Боюсь, я не смогла бы никому объяснить, зачем бегу вслед за крысами — быть может, из отчаяния? — но отчего-то мне казалось важным понять, куда направляются подданные господина Казиро. Если им пришлось спасаться бегством из дворца — значило ли это, что и сам хранитель дворца оказался в опасности?.. Крысы не могли ответить мне, но я надеялась на то, что смогу истолковать этот знак верно.

Трущобы, куда привели нас крысы, были мне незнакомы, однако зловонные лужи, горы гниющего мусора и покосившиеся халупы ничем не отличались от таких же нищенских кварталов в других городишках. И при свете дня сюда не стоило совать нос, что уж говорить про вечер — да еще такой хмельной! Повсюду валялись мертвецы упившиеся в честь городского праздника бедняки, и крысы бежали по их телам, словно по очередной груде отбросов. Прочим обитателям трущоб до полчищ крыс, казалось, точно так же не было дела — ленивыми пинками они сбрасывали грызунов с порогов своих хибар, если те случайно туда взбирались, и бранились сквозь зубы. Должно быть, здесь давно уж свыклись с подобным соседством.

Мой шаг становился все неувереннее, я вертела головой, пытаюсь сообразить, как выбраться из этой грязной дыры, но старалась не отставать слишком уж явно, понимая, что мне нужно держаться при чумазой ребятне. «Ох, не стоило мне забираться в этот бедняцкий угол! — думала я, отбросив на время размышления о колдунье. — Где-то здесь наверняка нашли пристанище и городские разбойники — самое место для норы, в которую не решится сунуть нос городская стража!»

Темнело быстро, и страх мой усиливался: что, если крысы просто разбегутся во все стороны, вместе с ними растают в сумерках и малолетние бродяжки, а я останусь совсем одна?

Однако этим моим опасениям не суждено было сбыться. Крысы упрямо держались вместе, несмотря на то, что в них непрестанно швыряли камнями и тыкали горящими головешками — повсюду нам попадались догорающие костры, разведен-

ные в честь праздника. Они слаженно двигались вперед, словно точно зная, куда держат путь. Миновав окраину маленького воюющего квартала, бывшего истинной язвой на теле города, мы очутились на краю большого оврага, куда сбрасывали мусор, который не вместили узкие и кривые переулки трущоб. Я услышала, что в криках мальчишек поубавилось веселья, а затем кто-то громко сказал:

— Да они бегут на старое кладбище!

— Старое кладбище! — вразнобой повторили его приятели, и мне почудился испуг в этих словах, да и хохот поутих.

— Туда им и дорога! — выкрикнул кто-то. — Пусть глодают поганые кости!

— Никак сегодня ночью там шабаш! — отозвался тоненький девчоночий голосок.

— Ведьмы позавидовали сегодняшнему празднику честных людей и затеяли свой! Хотят сговориться и напустить беду на город! Наверняка уже варят похлебку из ужей и старых костей!

— А если мы туда сунемся, то и нас в тот котел бросят! — испуганно пискнули откуда-то у меня из-под ног.

Кто-то засмеялся, но смех тот был натужным и напугал остальных еще больше. Я слыхала от Харля, что старое кладбище пользуется в городе недоброй славой и горожане давно уж не селятся поблизости от него. Проклятым то место стало считаться после того, как добрую сотню лет тому назад одну девицу простого рода, известную своей красотой, полюбил герцог, имени которого нынче уже и не помнили, но прозывали Сластолюбцем. Бедная девушка изо всех сил противилась его домогательствам, но герцог угрозил, что изведет под корень всю ее семью, и у бедняжки не осталось выбора, кроме как уступить.

Вскоре после этого тело красавицы нашли в реке, и все в округе знали, что она утопилась, не снеся бесчестья. Однако герцог объявил, что она утонула случайно, и приказал похоронить ее на кладбище, а не за оградой, как это полагается самоубийцам. Легенда гласила, что смерть девушки всерьез огорчила герцога, ведь он и в самом деле полюбил ее — оттого и пожелал для нее освященной земли, решив, что его воля превыше божеских заповедей. Зоркие глаза горожан углядели, что на пальце у покойницы име-

лось золотое кольцо искусной работы, и по Таммельну пошли слухи, будто это прощальный подарок Сластолюбца, желающего вымолить прощение у погубленной души.

Одни шептались, что негоже было хоронить самоубийцу с почестями, а другие — что покойницам, да еще столь сомнительным, золотые кольца ни к чему. Вскоре несколько разбойников отправились ночью на кладбище, чтобы выкопать гроб и снять прекрасное кольцо с мертвой руки. На следующее утро тела грабителей нашли у разрытой могилы — растерзанные, точно на них напала стая злых волков. Разбитый гроб оказался пуст.

Произошедшее настолько испугало герцога, что он заперся в своих покоях и отказывался отпирать двери даже самым доверенным слугам. Однако на третью ночь после страшного происшествия его нашли мертвым в своей постели, взломав двери из-за тревоги. Когда тело попытались сдвинуть с места, изо рта его полилась вода, точно у утопленника. И многие говорили, что среди перстней на его холеных руках нашлось то самое, что он надел на палец покойнице.

Однако после этого утопленница не утихомирилась — свежие могилы на кладбище находили разрытыми все чаще, а таммельнцы, жившие неподалеку от кладбища, со страхом ждали ночи: мертвая красавица скреблась под окном и умоляла подарить ей хоть какое-то колечко — ведь она потеряла свое собственное. Но все знали, что стоит только выполнить ее просьбу, как через три дня кольцо вернется к своему прежнему владельцу, вот только он к тому времени будет уже мертвехонек... Вскоре горожане, у которых мало-мальски имелись деньжата на черный день, отнесли свои сбережения к храму, и главный таммельнский священник согласился отдать часть храмовых земель под новое кладбище, находящееся под защитой богов и их служителей. На старом отныне хоронили своих покойников только самые бедные горожане. Туда же относили тела висельников да всяких разбойников, погибших в пьяных потасовках — их просто швыряли в первую попавшуюся яму, — оттого туда повадилось и дикое зверье, и мелкая нежить...

Дядюшка Абсалом, услышав эту историю от Харля, испросил разрешения у господина Огасто на пользование библиотекой, после чего с торжеством продемонстрировал нам книгу в богатом

переплете с гербом герцогов Таммельнских — то была летопись здешних владетелей. В ней говорилось, что герцог, прозванный поданными сластолюбивым из-за любви к богатым пирам, умер, подавившись водой, а все иное — домыслы, порожденные народным недовольством, поскольку во времена правления веселого герцога налоги возрастили трижды. «Ну а грабителей тех на кладбище порешили лихие люди, также положившие глаз на кольцо, или что у девицы той при себе имелось. Столкнулись у могилы, перерезали друг друга, да и придумали все свалить на покойницу — избавились от тела, чтоб никто больше не искал воров, поверив в упырицу!» — решительно подытожил дядюшка. Его порядочно беспокоила любовь будущего пасынка к страшным рассказам, которую он считал признаком излишней живости воображения, ведущей к дурной жизни барда или иного стихоплета.

Харль, разумеется, не сдался и заявил, что из летописи вымарили все, что было неуютно потомкам Сластолюбца — ну а кому же приятно иметь в предках господина, которого утопила какая-то простолюдинка, да еще и мертвая?.. Я слушала ту историю краем уха, и сейчас оставалось только удивляться, как ярко и живо вспомнились мне ее подробности при виде полуразрушенной каменной ограды, возвышавшейся над зарослями кустарника, которым заросла противоположная сторона оврага. Последние яркие лучи солнца падали на ее зубцы, из-за чего те казались кроваво-алыми, как клыки хищника, только что терзавшего свою жертву.

Погрузившись в тревожные размышления, я не заметила, как уставшая ребятня потянулась к кострам, держа в руках по паре-тройке дохлых крыс. У обрыва осталась одна только я. Кто-то, спутав меня со своей подружкой, дернул за мой рукав, но, увидев, что обознался, только сплюнул и пошел прочь.

Страх одиночества на мгновение одолел меня — я подумала, что могу провести эту ночь с бродягами, выдав себя за диковатую крестьянскую девчонку, бог весть как очутившуюся в городе и ничего от испуга не соображающую. Однако за ночью непременно настал бы рассвет, и идти мне было бы все так же некуда. Да и ночлег при трущобах мог оказаться куда опаснее, чем ночь на старом

кладбище — живых людей терзает куда больше страстей, чем упырей, которым лишь бы утолить вечный голод...

Я вздохнула, подобрала головешку, брошенную кем-то из ребятшек, и принялась спускаться в овраг, едва различая в сумерках крыс, большая часть которых уже скрылась из виду. При себе у меня имелось несколько тонких лучинок, и я подожгла одну, переборов страх перед кладбищенской нечистью, которая наверняка не пропустила бы мимо глаз одинокий огонек.

Все ужасные истории о кровожадных мертвецах, которые я слышала от Харля, разом вспомнились мне, когда я подошла к старой стене. Она была не слишком высока, и кое-где разрушилась едва ли не до самого основания — мне не составило бы труда ее преодолеть. Крысы привели меня к большому провалу, почти заросшему колючим кустарником, и тут же мне в нос ударило зловоние: за этой оградой находили свое последнее пристанище те покойники, ради которых никто не стал бы копать глубокую яму.

Я повторяла себе, что должна следовать за крысами, но едва нашла в себе силы, чтобы шагнуть вперед.

Старые могильные камни давно уж покосились, а некоторые вовсе упали и раскололись. Повсюду я видела ямы, заросшие дрянной сорной травой и кустарником — то были оскверненные могилы, и я гнала от себя мысли о том, кто же разрыл их. Однако свежие рытвины мне на глаза не попадались — это показалось мне добрым знаком: господин Казиро рассказывал, что даже духи дряхлеют и уходят в небытие — быть может, и та утопленница наконец-то насытилась.

Пару раз я слышала, как с моего пути с глухим рычанием убегают бродячие псы-падальщики, испугавшиеся звуков шагов, и я старательно отводила глаза от тех мест, где они недавно пировали. Крысы, которым повезло добраться до этих мест — их осталось не так уж много — бежали все быстрее, словно предчувствуя близкое завершение своего пути, и я, подобрав юбку, торопилась вслед за ними, задыхаясь от тяжелого запаха, царившего здесь.

Впереди, в сумерках, выступила серая громада. Вначале мне почудилось, что передо мной дом, отчего-то возведенный среди могил, однако тут же я различила грустных каменных дев с разбитыми крыльями, и поняла, что пришла к старому склепу, оставше-

муся здесь с тех времен, когда богатые таммельнцы все еще полагали для себя возможным упокоиться в этой земле. Чем ближе я подходила, тем чуднее казались статуи — слишком уж когтисты были их руки, а остатки крыльев точь-в-точь походили на крылья гарпий. Крысы стремились к черному провалу входа, который охраняли изваяния, и я в который раз пожалела, что увязалась за ними — там, в склепе, меня мог ждать злой упырь, изголодавшийся по живой крови.

Тем временем последний длинный крысиный хвост скрылся из виду, и шорох, который издавали проворные лапки, стих. По всей видимости, крысы достигли своей цели, и раз уж я посчитала, что она может оказаться важной и для меня, следовало идти до конца. С опаской косясь на каменные когти дев, я шагнула внутрь склепа, крепко сжимая догорающую лучину в дрожащих пальцах.

Склеп оказался не столь уж обширен, несмотря на свой внушительный внешний вид — я спустилась на несколько ступеней и увидела каменную надгробную плиту, наполовину сдвинутую с положенного ей места. На мгновение мне подумалось, что проклятый покойник выбрался из своего древнего гроба и отправился на поиски добычи, однако я тут же перевела дух: на грязном полу валялось несколько старых костей, а среди мусора скалился череп. Наверняка эту богатую гробницу разграбили в незапамятные времена. Однако, куда же подевались крысы?

Сколько я не прислушивалась — ни один шорох не указывал на то, что здесь осталось хоть что-то живое. Лучина быстро догорала, и я, подгоняемая страхом перед темнотой, приблизилась к гробнице. Конечно же, она была пуста. Однако узоры на ее каменном дне напомнили мне те, что я не раз видала во дворце, когда пользовалась тайными ходами господина Казиро.

Я провела пальцем по знакомым изгибам завитков, а затем нажала на выпуклости, слишком уж сильно походившие на те, что приводили в действие механизм, открывавший потайные двери. Тут же плита под моими руками дрогнула, и с тихим шуршащим звуком ушла в сторону. Я склонилась, опустив руку с лучиной как можно ниже, и увидела ступени, уходящие в темноту. «Провалиться мне на этом месте, — подумала я, пытаюсь унять

волнение, — если я не нашла черный ход во владения господина Подземелий!»

Однако вход этот слишком уж походил на разверстую могилу, чтобы я решилась пройти через него без сомнений. В нерешительности я осмотрелась и, поразмыслив, вышвырнула череп из склепа. Верила ли я в рассказы Харля или нет, но покойники, чьи усыпальницы осквернили, вполне могли оказаться мстительными. Кто знает, не соберутся ли вместе старые кости, чтобы сдвинуть каменную плиту на положенное ей место, как только я спущусь вниз?.. А вот и без головы эдакую пакость будет проделывать посложнее...

Еще раз со вздохом осмотрев черный провал, я покосилась на куцую лучину, и забралась внутрь бездонной гробницы. Ступени оказались очень крутыми, и я, сделав пару шагов, перестала видеть что либо, кроме каменных стен. Свод был низким и приходилось пригибаться, однако никаких препятствий на моем пути не возникало — я всего лишь была испугана и ноги подгибались от усталости.

Спуск показался мне очень долгим, лучина едва горела и жгла пальцы, но я боялась зажигать последнюю. «Уж лучше я вернусь, когда эта догорит, — говорила я себе. — Подняться я могу и в темноте, а подземный лабиринт слишком велик, чтобы забираться в его глубины всего-то с одной жалкой щепкой. Я заблужусь в переходах и погибну от голода и от жажды в этой непроглядной душной тьме». Мне было невдомек, что именно ищу, однако в душе я надеялась, что найду это где-то неподалеку, ведь путешествовать во владениях господина Подземелий без проводника не смог бы и самый премудрый человек.

Но коридор был пуст и тих — ничего не указывало на то, куда подевались крысы. Крохотный огонек дрогнул на прощание, и я, зашипев от боли, уронила огарок. «Все без толку! — подумалось мне. — Я зря пришла сюда! Никто не ждет меня здесь, внизу, а вот на кладбище я непременно повстречаю злобного червивого покойника, вылезшего из своей могилы, чтобы отомстить за свое недостойное погребение. Или же костлявого упыря, которому надоела здешняя тухлятина!» От мыслей этих я затряслась, как оси-